

ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Иронические рассказы

Ошибка в технологии (Предвыборная сага)

Командор собрал команду у себя на дому, подальше от посторонних взоров, что уже само по себе говорило об особой важности момента.

— Грядут парламентские выборы, — обвел Командор взглядом своих людей.

Разных по возрасту и профессиям, объединяло их одно главное: все они под предводительством Командора подвизались на ниве политической рекламы, создавали привлекательный образ народных избранников.

— Ставки в нынешней игре высоки, кандидатов много, а потому надо постараться безошибочно определиться, на кого работать. Давайте просчитаем варианты.

Присутствующие согласно закивали головами. Предстоящие выборы были для них не первые, успели они на этом деле поднатореть, а потому прекрасно сознавали ответственность задачи.

Варианты просчитывали долго и основательно. Жена Командора замучалась носить гостям кофе. Прояснить требовалось не только политические перспективы будущего парламентария, но и его экономические возможности. Последнее было даже важнее. Что касается сугубо политического лица намечаемого «клиента», то, в принципе, оно Командора и его людей не интересовало. Как и партийная принадлежность. Подобно адвокатам, в силу своего профессионального долга готовым вести защиту даже самого лютого злодея, команда Командора, могла работать с кем угодно: хоть с правыми, хоть с левыми, хоть с идущими впереди прогресса, хоть с теми, кто заметал его следы.

Кандидатуры рассматривали персонально.

Спицина выдвигала худосочная фирма «Чулок-варежка», от которой, кроме бесплатного «спасибо», вряд ли что можно было дожидаться.

За Каленваловым маячила большая индустрия, но что толку, если находилась она в коматозном состоянии и выздоровления не предвиделось.

С аграрием Сермягиным дело обстояло не лучше: взять с него, кроме навоза из полуразрушенных колхозных ферм (да и к тому скотники без бутылки близко не подпускали), было нечего.

Не подходил для серьезного делового контакта и ректор Обцагин. Не говоря о других его подчиненных, он и сам уже несколько месяцев не получал зарплату, давно сравнявшуюся со студенческой стипендией. Избирательную кампанию ему помогали проводить студенты, промышлявшие в свободное от учебы время кто рэкетом, кто подаванием, и не дававшие умереть голодной смертью любимым преподавателям, получая взамен в зачетках отличные оценки.

Был, правда, на примете еще криминальный авторитет Васька Туземец, желавший после многолетней подпольной борьбы с чужими кошельками перейти на легальное положение и надежно защититься от посягательств на его суверенную личность со стороны правоохранительных органов. Однако Васька был человеком зело не предсказуемым и мог, если найдет блажь, еще и с них последнее вытряхнуть. Так что...

Круг претендентов сужался, а нужной кандидатуры все не находилось.

Наконец, когда от вязкого, как смола, кофе началась изжога, на горизонте замаячила фигура Бражонкина. Личность на политической арене их города хоть и сравнительно новая, но весьма примечательная.

Выдвигала Бражонкина в кандидаты Партия любителей домашнего зелья (ПЛДЗ). И вполне обоснованно, ибо к зелью Бражонкин имел отношение самое непосредственное — являлся владельцем нескольких винокурен и разветвленной сети лавок-шопов и «бистро»-

забегаловок, объединенных в крупную фирму «Народный бальзам» с трудно угадываемым для налоговой инспекции оборотом.

— Похоже, это именно тот, кто нам нужен! — с радостным предчувствием воскликнул Командор. — Солидный бизнесмен, работает на благо народных масс, у которых, я уверен, получит необходимую поддержку. А перспективы какие!.. Если с нашей помощью он станет депутатом, безбедное будущее, считайте, нам обеспечено.

— Но зачем ему парламент, если и так деньги некуда девать? — удивился сухой, как вобла, редактор газеты «Каленое железо» Рыбоглазов, считавшийся в команде правой рукой Командора.

— Да кто ж его знает? — пожал плечами Командор. — У богатых свои причуды. Может, за льготные налоги винокурению станет хлопотать, или же против присутствия импортного зелья на нашем рынке начнет бороться. А то и просто спортивный у человека интерес... Не будем гадать. Лучше поспешим к нему, пока конкуренты дорогу не перебежали.

К Бражонкину успели в самый раз. Он еще только начинал размышлять над сложными вопросами стратегии и тактики предвыборной борьбы.

— Доверьтесь профессионалам — и мы обеспечим вам победу! — призвал владельца винокурен Командор.

Взглянув на суровый лик матерого политического бойца, опаленного огнем трескучих митинговых фейерверков, Бражонкин — человек в этом новом для него деле совершенно не искушенный — решил ему довериться.

Обговорили условия и ударили по рукам. Предчувствия Командора не обманули: «клиент» жаждал откусить властного пирога, а потому особо не жадничал и не торговался.

Получив «кое-что на первое время», Командор тут же изложил свое видение политического образа претендента на депутатское кресло.

— Будем исходить из того дела, которым вы занимаетесь, — сказал он. — Вернее — из его конечного продукта, который, я полагаю, способен навести прочные мосты между вами и будущим электоратом, поскольку уважением и любовью пользуется он у самых широких слоев населения. Правда, чтобы навести такие мосты, придется хорошо поработать в плане создания вашего имиджа...

Вообще-то, можно было особо и не напрягаться, если следовать хорошо накатанными путями наименьшего сопротивления. Обклеить, к примеру, для начала заборы скучными листовками с которых будет тарашиться на публику в ожидании фотографической «птички» кандидат с приклеенной улыбкой. Тиснуть потом ту же физиономию в газетах, утяжелив ее «гирей» предвыборной программы, отличающейся от программ других соискателей не более, чем одно инкубаторское яйцо от другого. Затем провести встречи с избирателями, на которые обычно собирается по десятку бабушек и дедушек по причине поломки телевизора. Устроить, наконец, теледебаты, превращающиеся почему-то всегда вместо словесной дуэли в дуэт токующих на разные голоса глухарей...

Кто другой на месте Командора так, возможно, и поступил бы. Но не Командор! Командор в душе был художником, и подобная банальщина ему претила. Это, однако, не значило, что он напрочь отрицал любые традиционные ходы и приемы. Просто стремился, если и использовать их, то непременно влить в старые мехи новое вино.

— Мы подадим вас необычно, оригинально... Образ ваш заинтригует избирателей, — пообещал Командор, и его команда засучила рукава.

Начали с наглядной агитации.

Изображение Бражонкина стало появляться в разных видах и позах в самых неожиданных местах.

Сначала его увидели на стендах «Их разыскивает милиция».

Бражонкин был снят в «фас» и в «профиль», а подпись под его фото гласила: «Разыскивается будущий депутат парламента. Особые приметы: пьет горькую; любит

деньги, народ и власть. Получив власть, сделает богатым народ. Оpozнавшим своего депутата просим отдать за него на выборах голоса».

Затем физиономия Бражонкина появилась на городских столбах и заборах. Развязно улыбаясь с красочных плакатов, Бражонкин (кстати, практически непьющий) игриво щелкал себя по кадыку, а по низу этого шедевра полиграфического искусства лесенкой сбегало напористо-нагленькое: «Хочу, могу и буду!»

В специально выпущенном календарике алкогольно-политическое звучание еще более усилилось. Бражонкин был снят на фоне сверкающего нержавеющей металлом змеевика за спиной и с запотевшим стаканом в руке. Из недвусмысленного этого изображения, как прозрачная жидкость с конца змеевика, логично вытекал текст: «Если ты проголосуешь за Бражонкина, самое лучшее в мире зелье не будет переводиться в твоём стакане!»

Следующим решительным шагом в развернутой Командором «шокоагитации» стал выпуск денежных знаков с профилем Бражонкина в том самом месте, которое не одно десятилетие принадлежало вождю мирового пролетариата. Новые купюры странного достоинства — «миллион голосов за нашего кандидата» вызвали у населения, решившего, что начался следующий виток инфляции, немалый ажиотаж. Кто-то побежал менять старые ассигнации на новые, а подслеповатые старушки и ушлые людишки в торговых рядах пытались пустить их в оборот. Ну а Бражонкину по поводу собственного портрета на липовых банкнотах пришлось объясняться с компетентными органами.

Командор со товарищи между тем с назойливостью почуявшей сладкое осы продолжал внедрять в общественное сознание парадоксально-скандальный образ новоявленного кандидата в депутаты. Фантазия Командора разыгралась не на шутку. Теперь Бражонкин взирал на городскую толпу с бортов трамваев и троллейбусов, сладко расплывался на конфетных, фантиках, радостно сверкал улыбкой с воздушных шариков (и чем сильнее их надували, тем шире становилась улыбка), лукаво-намекаяюще подмигивал он с водочных этикеток и с плавок местной трикотажной фабрики...

Замелькала физиономия Бражонкина и в прессе. Отныне каждый номер газеты «Каленое железо» выходил с колонкой «Бражонкин советует», где редактор Рыбоглазов от имени владельца винокурен печатал отдающие густым сивушным перегаром политические размышлизмы и отеческие наставления на все случаи жизни, начиная с того, каким рассолом лучше всего тушить похмелье, и кончая тем, как спасти облигации государственного займа, если вдруг все правительство в полном составе вместе с Центробанком слиняет в поисках лучшей доли куда-нибудь в Танзанию.

Творческий человек Рыбоглазов отсутствием фантазии тоже не страдал. К тому же, дремали в нем, просясь на волю, таланты не только прищипленного фактами публициста, но и вольного бесстремянного поэта. Верховым чутьем Рыбоглазов понял, что черед его настал, и выпустил своего поэтического джина, который на радостях тут же изладил рифмованное житие Бражонкина, немедленно обнародованное в газете «Каленое железо»:

Бражонкин Ваня — славный малый —
Родился на берегах реки,
Которой уж давно не стало —
Мелиораторы свели.

Давно не стало той деревни,
Где Ваня жизнь свою начал,
Давно покинул наш Бражонкин
Неперспективный тот причал.

На городской ступивши берег,
Науки мудрые познал.

В искусстве делания денег
Себе он равных не знавал!

Хоть и вознес его высоко
Чистейший винный фимиам,
Не посылал людей далеко,
И не кричал, что «в морду дам»!

В быту он скромн и непьющий,
Хороший муж, детей отец,
И щедро нищим подающий,
Приятен ликом, наконец.

В большой чести он у народа,
Ему он зелье продает.
Народ в любое время года
За своего Ивана пьет.

За то, чтоб стал он депутатом,
Законы мудрые писал,
И чтоб парламентским мандатом
Дорогу к счастью пробивал.

Бражонкина стали узнавать на улице. В общественном транспорте, когда он ездил в нем в редкие случае по причине поломки машины, уступали места, предназначенные инвалидам и беременным женщинам. А в деревнях девки и парни распевали о нем частушки:

Я на выборы пойду —
Там Бражонкина найду.
Не отдам Ванюшку Думе,
А с собою уведу.

Не ходи, Бражонкин Ваня,
Рядом ты с моей матаней,
А не то я вилами
Тебя забаллотирую.

Академический хор русской песни теперь каждый концерт заканчивал следующим песенным призывом:

Чтоб жилось нам хорошо
И пелись песни звонкие,
В депутаты выберем
Товарища Бражонкина!

Популярность накатывала на Бражонкина с чугунной неумолимостью асфальтового катка. Не привыкший без нужды светиться на публике, да и вообще предпочитавший яркому общественному солнцу укромную тень офиса, Бражонкин затосковал. А когда в пивнушках, рюмочных и местах прочего скопления пьющего люда на стенах появилась размноженная на ксероксе обросшая недельной щетиной страхолудная запойная образина, расплывшаяся в беззубой похмельной улыбке кадрового бомжа, ниже которой

можно было прочитать: «Вы даже не представляете, как Бражонкин рад вашему приходу!», перепуганный кандидат в депутаты бросился к Командору. И тому пришлось долго втолковывать гуманитарно неискушенному владельцу винокурен, что на плакате не сам он натурально, а лишь его художественный образ, что в таком виде он гораздо демократичнее и массам ближе, хотя... — вынужден был согласиться Командор — если такая харя приснится ночью, то от ужаса вполне можно будет и не проснуться.

— Впрочем, на эту отксеренную рожу взглянуть можно и по-иному, — подумав, сказал Командор. — Более философски-обобщенно. Ведь она, по сути, есть не что иное, как физиономия если и не всей, то значительной части современной России — запитой, словно щетиной, заросшей проблемами, однако по-прежнему жизнерадостной и все еще на что-то надеющейся.

— Не хочу в таком виде... — заупрямился Бражонкин. — И философски не хочу.

— Ну, хорошо, наглядной агитации, пожалуй, и в самом деле хватит, — решил Командор. — Пора переходить к непосредственным контактам с электоратом. Нет ничего лучше живого общения.

Под «живым общением» Командор подразумевал отнюдь не рядовую встречу в унылом агитпункте. Он и тут решил идти своим путем. По его замыслу кандидат должен был появляться в любимых народом местах времяпровождения и там за доброй чаркой своего фирменного зелья общаться с избирателями.

Местом первого выхода Бражонкина в люди Командор, верный создаваемому им образу кандидата-«чудика», якобы выражающего национальный менталитет, наметил общее отделение центральной городской бани.

Но прежде в имидж свойского мужичка, готового ради народа и за народ порвать у себя на груди последнюю рубаху, рука опытного мастера прикладного изобразительного жанра внесла дополнительный штришок. Когда, стесняясь своего довольно хилого телосложения, Бражонкин разделся и, подпираемый с боков Командором и Рыбоглазовым, прошествовал в моечное отделение, мужики в бане пороняли от удивления шайки. На лысой впалой груди Бражонкина расправил фиолетовые крылья татуированный орел, державший в когтях голую, животом вверх, женщину. С бедра ее ниспадала лента, на которой начертано было одно, но веское слово — Власть! А вокруг пупка Бражонкина красовались, образуя кольцо и совсем уж грозные предупреждения: «возьму!» и «не отдам!» Ошарашенные мужики вывихнули себе челюсти и, пока Бражонкин не скрылся за дверью моечной, сверлили взглядом его задницу, на одной ягодице которой, поигрывая при каждом движении выколотыми буквами, значилось — «наш путь...», а на другой — «в парламент!»

Акция банного общения проходила, весьма успешно. Обалдевшие поначалу при виде диковинного мужичка посетители бани быстро пришли в себя и после третьего стакашка фирменного зелья «Золотой Бражонкин двойной очистки», которое в необходимом количестве доставили (за счет кандидата, разумеется) ребята Командора, они его «зауважали». С каждым стаканом уважение росло, крепло и перерастало в любовь.

Сам Бражонкин дегустировать свой напиток сильно опасался. Он относился к тем сапожникам, которые предпочитают обходиться без сапог собственного изготовления. Но непреклонный Командор не позволил ему увильнуть.

— Никакой халтуры! Народ фальши не любит! — жестко заявил он Бражонкину и, когда тот попытался сослаться на больную печень, язву и что-то еще там внутри, Командор обезоруживающе парировал: — Политика требует жертв!

После первой порции зелья из сбившихся в кучу глаз Бражонкина брызнули слезы, и остановилось дыхание. Ему показалось, что он уже умер. Однако после второй порции, принятой им с меньшими муками, Бражонкин ожил, заблестел взором и стал излагать предвыборную программу.

Она была проста, но гениальна: все налоги упразднить, налоговых чиновников разогнать, а на сэкономленные средства повысить благосостояние. От себя же лично

Бражонкин гарантировал каждому пьющему соотечественнику ежедневно по стакану бесплатного зелья, а после ликвидации налогового бремени — значительное удешевление его собственной продукции.

Все это было встречено с пониманием и одобрением, в результате чего непринужденное общение избирателей с кандидатом в депутаты довольно быстро вылилось в братание.

Где-то на рубеже пятого стакана поступило предложение в своей любви к дорогому кандидату консолидироваться с женским отделением. Предложение встречено было с большим воодушевлением, и делегация активистов-добровольцев, подняв над головой покрытое политической росписью тело Бражонкина, ринулась в парную, к заветной двери, посредством которой сообщались парные двух отделений. Запертая дверь энтузиазму избирателей сопротивлялась недолго...

Очнулся Бражонкин на жестком, отполированном телами многочисленных клиентов топчане вырезвителя. Верный Командор уже ждал его пробуждения. У Бражонкина раскалывалась голова, а изо рта несло таким смрадом, словно накануне закусывал он исключительно кошачьими экскрементами.

Посещение сего заведения Командор, разрабатывая план предвыборных мероприятий, не планировал. Случилось оно спонтанно, после того, как перепуганные стремительным натиском из смежного отделения парной женщины, не разобравшись в политическом существе момента, вызвали полицию. Но раз так произошло, то почему бы не воспользоваться и этой, очень даже не стандартной ситуацией? И Командор энергично взялся за дело.

Уже через полчаса в большой камере вырезвителя яблоку было негде упасть: «клиенты» и персонал заведения собрались на встречу с кандидатом в депутаты.

Ушлый Рыбоглазов успел обеспечить собрание присутствием средств массовой информации, а всех страждущих, в том числе и Бражонкина, «эликсиром здоровья».

Народ в вырезвителе воспрянул. Бражонкин — тоже. Ковшик свежего зелья, выплеснутый на тлеющие угли вчерашнего возлияния, вызвал прилив деятельности и потащил Бражонкина на трибуну, коей стал тот самый топчан, на котором еще совсем недавно приходило в себя его тело.

В приступе похмельной эйфории Бражонкин взялся щедро раздавать обещания одно слаще другого. Клиентам вырезвителя в случае своего избрания он гарантировал бесплатное обслуживание в вырезвителях и опохмел. Персоналу же клялся — в два, нет — в три! — раза повысить зарплату...

Из мрачного подвального чрева вырезвителя растроганные полицейские сержанты под восторженные возгласы подлечившейся на халяву «клиентуры» бережно выносили Бражонкина на руках.

Дальнейшие события предвыборной кампании Бражонкин помнил смутно. Зелье фирмы «Народный бальзам» пришлось по душе людям самых разных слоев, взглядов и убеждений, а потому избиратель Бражонкина был пестр, как лоскутный коврик его деревенской бабки. Работяги, инженеры, служащие, бомжи... Все они смешались в непросыхающей голове Бражонкина и стали похожи на ту отксеренную рожу, которая от его имени сообщала, как рада видеть всех, кто ее лицезреет.

Где и что делал? о чем говорил с народом? — не помнил. Припоминал только сквозь неотступную головную боль, что везде что-то обещал, обещал, обещал... Одним — осыпать их золотом, другим — напоить-накормить до отвала, третьим — поселить во дворцах, четвертым — осчастливить правами человека и социальной справедливостью, пятым — искоренить воровство и коррупцию, шестым... Обещания сыпались, как семечки из порванного кулька, и даже такой тертый демагог, как Командор, стал удивленно поглядывать на своего подопечного, подозревая у него явно прогрессирующий словесный энурез.

Впрочем, Командор ситуацию продолжал контролировать, правда, тактику со временем сменил. «Хватит нам за избирателем бегать» — решил он. — Пусть теперь он сам объединится вокруг своего кандидата». И в развитие данной мысли возник «Клуб поддержки Бражонкина».

Членам клуба зелье фирмы «Народный бальзам» продавалось с большой скидкой, поэтому «поддерживать» Бражонкина охотников находилось много. Дискуссии в клубе шли с утра до глубокой ночи. Страсти кипели вулканические. Время от времени наиболее «разогревшиеся» группы фанатов Бражонкина выплескивались на улицу и устремлялись выяснять отношения с фанатами других кандидатов. Полицейские сводки запестрели сообщениями о разборках на политической основе. Причем «орлы Бражонкина» били не только «коршунов Живодеркина» — его главного соперника, но и вообще любого, кто не мог сходу положительно ответить на сакраментальный вопрос: «А ты Бражоннина уважаешь?».

Впрочем, не фанатами едиными был жив клуб. Люди здесь, как уже говорилось, были разные, в том числе, и творческая интеллигенция, которая о нелояльные своему кумиру физиономии кулаки, конечно, не чесала, зато, не щадя таланта, ваяла монумент идеального парламентария, которому ни на каких выборах не может быть альтернативы. К примеру, известный сказочник Палкин-Малахаев сложил «Сказ про то, как Бражонкин во власть ходил». Композитор Канцеляревский в союзе с поэтом Полкановым создал ораторию, и теперь на заседаниях клуба, стуча в такт стаканами, все воодушевленно пели:

Сла-а-ався, Бражо-онкин,
Солны-ы-ышко светлое —
Всех наших граждан
Надежный опло-о-от!

Знамя-а-а ты нации,
Сила-а-а народная -
Нас от победы
К победе ведешь!..

А романист Подметкин задумал эпическое полотно под названием «Винокурня в урмане» и уже публиковал отрывки на любезно предоставленных Рыбоглазовым страницах «Каленого железа». Читатели, набившие оскомину на чужеземном чтиве и жаждавшие чего-нибудь эдакого и своего, родного, сие таежно-мистико-политическое творение, пропитанное самогонными испарениями и густопсовой сибирятиной, принимали хорошо.

А сколько греющих душу излиятий удалось услышать Бражонкину в стенах клуба! С какой пылкой страстью, с каким воодушевлением и волнующим красноречием объяснялись ему в любви служители муз! Однако и он в долгу не оставался. Зелье рекой — само собой. Но и обещания — тоже. Никому не обещал он столько разного, как творческой интеллигенции! Общий же смысл обещаний сводился к тому, что как только Бражонкин ступит на вожделенный ковер власти, для творческих людей наступит золотой век.

Любил, очень любил Бражонкин бывать в своем клубе. И век бы оттуда, не вылезал, если бы не фирма и не Командор, который житья не давал в поисках все новых сюжетных поворотов предвыборной кампании. Уставшему от этого нескончаемого ералаша Бражонкину казалось, что пора бы успокоиться и ждать выборов и их результатов, но Командор думал иначе.

Неиспользованным оставалось еще одно сильнодействующее, хотя и дорогое средство, — телевидение.

Не будь за спиной Командора, сам Бражонкин, пожалуй, ограничился бы тем небольшим эфирным временем, которое бесплатно отпускается каждому соискателю депутатского мандата. И не потому, что не хотел лишний раз появиться на телеэкране. Просто избирательная кампания высасывала из Бражонкина не только силы, но и средства. Дела его заметно пошатнулись. К тому же, на хвост ему сели налоговые ищейки, и, если бы не парламентская неприкосновенность, которая в России, слава Богу, распространяется не только на состоявшихся депутатов, но и кандидатов, давно бы уже Бражонкину выяснять отношения с гражданами начальниками на предмет сокрытия доходов от государева ока.

Тем не менее, напористый Командор мошну Бражонкина тряхнул еще раз, и целую неделю, каждый вечер, в лучшее телевизионное время на экранах появлялся утомленный от беспробудного общения с электоратом лик Бражонкина. Он сидел в полуоборота к зрителям, вцепившись в подлокотники кресла, чтобы невзначай не вывалиться из него, и расслабленно рассказывал умилительную историю про мальчика Ваню, который в детстве пас за околицей родной деревни свою Буренку, а потом, когда корову ввиду бескормицы пустили на мясо, пошел в люди и, благодаря своему уму, таланту и предприимчивости, стал тем, кем стал, и тому же готов теперь научить других.

Иногда Бражонкин на полуслове задремывал, всхрапывая, и тогда срочно давали рекламную паузу, в которой похрустывающий соленым огурцом хитрован-мужичок, нежно поглаживая свободной рукой початую бутылку, утверждал, что только зелье фирмы «Народный бальзам» имеет неповторимый устойчивый вкус.

Во время паузы Бражонкина быстро приводили в чувство, и он немедленно садился на любимого конька: забыв о деревенском детстве, начинал размазывать по стенке ненавистные налоговые органы и клятвенно заверять телезрителей, что, как только он окажется в парламенте, вся эта фискальная система будет ликвидирована, а жители страны, наконец-то, избавятся от позорного ярлыка «налогоплательщика» и станут подлинно свободными гражданами.

Когда, жизненный путь владельца винокурен был в подробностях им расписан, собственные таланты похвалены, налоговая система обругана, а конкуренты вывалены в грязь, Командор решил подвести черту под телепосиделками и эффектными дебатами. Для этой акции он выбрал не кого иного, как главного конкурента Бражонкина — лидера местного отделения либерально-реакционной демократическо-патриотической партии (ЛРДП) Живодеркина, славившегося тем, что мог он спровоцировать на скандал даже каменного Будду.

Марку свою Живодеркин с успехом поддержал и на этот раз: без всякой раскачки, закусив удила, рванул с места, в карьер так, будто ткнули ему в зад чем-то острым. Ссылаясь на неопровержимые слухи, он немедленно обвинил Бражонкина в систематическом спаивании городской администрации, растлении пожилых нянечек в одном из дошкольных учреждений, сожительстве с супругой мэра, крупных взятках главврачу кожвендиспансера за сокрытие тяжелой болезни, от которой владелец винокурен наполовину сгнил, и если нос у этого аморального негодяя еще не провалился, то лишь потому, что никто не попытался его испытать его на прочность.

И словно стремясь исправить упущение, Живодеркин прямо через столик, по обе стороны которого они сидели, потянулся к носу конкурента...

Это было уже слишком! Взбешенный Бражонкин схватил со столика разделявший их графин с водой и запустил его в Живодеркина.

Эффект превзошел все ожидания. Командор удовлетворенно потирал руки.

Между тем предвыборный марафон вышел на финишную прямую. До выборов оставались считанные дни. Командор и его люди работали с лихорадочным напряжением. Команда перешла на казарменное положение. Упорный труд должен был увенчаться полным успехом.

Но Командора не покидало беспокойство. Он боялся недотянуть, недокрутить. Ему казалось, что электорат еще не дошел до точки кипения, что осталось каких-нибудь пару полешек в топку — и тогда полный ажур! А посему в самый канун голосования в «Клубе поддержки Бражонкина» Командор назначил большой сбор, куда приглашались не только постоянные члены клуба, но и все желающие. Для стимулирования на площадь перед клубом выкатили бочки с новым, еще не опробованным сортом зелья фирмы «Народный бальзам» под названием «Мечта парламентария». На сколоченных тут же подмостках до глубокой ночи пели и плясали коллективы художественной самодеятельности, с гитарами наперевес бесновались рок-группы, разыгрывали сценки из «Гартюфа», «Гобсека» и прочей бизнес-классики актеры местных театров, читали стихи про любовь к женщинам и деньгам поэты. И чем темнее становилось на улице, тем жарче разгоралось предвыборное веселье, сгоняя с мостовых остатки снега.

Специалисты фирмы «Народный бальзам» постарались. Новое зелье получилось на славу: духовитое, нежно обволакивающее горло и нёбо, в то же время забористое. Настолько забористое, что к полуночи среди фанатов Бражонкина и сочувствующих родилась и окрепла революционная идея совершить переворот и передать всю власть в городе фирме «Народный бальзам» во главе с любимейшим из любимейших — Иваном Бражонкиным. После полуночи революционные фанаты взялись жечь подвернувшиеся под руку автомобили и возводить баррикады, а передовые их отряды, громя все на своем пути, рвались к почтамту, телеграфу, центральному банку, мэрии и вокзалам. В городе началась паника...

Вот теперь Командор вздохнул спокойно и остаток ночи проспал сном младенца. Электорат до точки кипения дошел, и выборы казались пустой формальностью.

А наутро случилось непоправимое. То ли новое зелье оказалось слишком крепким, то ли Командор переоценил подорванные регулярной борьбой со змием силы электората и подкинул в топку лишние дровишки, то ли аукнулся подавленный к утру мятеж революционных фанатов, то ли впали в депрессивное состояние и без того ненадежные сочувствующие, но факт оставался фактом: до избирательных урн удалось добраться гораздо меньшему числу желавших проголосовать за Бражонкина, что, разумеется, и предопределило его поражение.

— Умом нашего избирателя не понять, на калькуляторе не измерить, — прокомментировал случившееся Командор, хотя в узком кругу сподвижников самокритично предположил, что, видимо, не совсем точно рассчитал давление пара в котле, в результате чего сорвало крышку.

Обрушившийся удар Бражонкин вынести не смог. Избирательная кампания его разорила, полностью расстроила дела фирмы. А тут еще и налоговые ищейки, обрадованные тем, что он лишился депутатского иммунитета, вцепились в него мертвой хваткой. Запахло судом и конфискацией. Зато еще совсем недавно так любившая его общественность потеряла к нему всякий интерес.

С тоски и от тревожного ожидания приезда за ним железного автозака Бражонкин запил. Но теперь уже в глухом одиночестве. И, наверное, скоро бы дождался гостей в полицейских погонах, если бы не опередила их «белая женщина».

Она явилась к нему под вечер десятого после выборов дня. Ослепительно белая и нагая, если не считать белой атласной ленты через плечо, на которой зловеще змеилось фиолетовое слово «Власть!».

Женщина взяла его, покорного, за руку и повела за собой...

Депутатом парламента и даже его спикером Бражонкин все-таки стал. Во всяком случае, как явствует из истории его болезни, на прозвище «Спикер» отзывается охотно. Правда, сразу же при этом лезет за неимением в больничной палате трибуны на прикроватную тумбочку и начинает уговаривать сопалатников переизбрать его на второй срок. В такие моменты и дюжим санитарам сладить с ним трудно.

Ну а Командор — не прошло и месяца — снова собрал у себя на дому свою команду.

— Впереди новые серьезные выборы, — сказал он. — Ставки очень высоки, поэтому во избежание прошлых ошибок давайте тщательно просчитаем варианты...

Из цикла «Иронические рассказы». Смерть поросенка Бори

Смеркалось...

Душный августовский день уходил на покой, сдавая вахту надвигающейся ночи, которая не приносила желанной прохлады. Ночь растворяла в своей черноте дома и улицы поселка Малая Бича. Лишь тусклые светлячки окон напоминали об их существовании.

Участковый инспектор капитан Корявых оставался на посту. За день он набегался по подведомственной территории, и теперь сидел у себя в тесном кабинетике, приютившемся в здании поселкового совета, рассупонившись, в одной форменной, расстегнутой до пупа, рубашке, и сосредоточенно морщил широкий лоб, плавно переходящий в покрытую испариной лысину. Капитану было за сорок, из которых едва ли не половину он прослужил местным Аниськиным.

Участком своим Петр Андреевич был доволен. Даже в нынешнее нелегкое и криминогенное время ничего здесь чрезвычайно пьяного мордобоя или мелкой кражонки на той же алкогольной почве не происходило. Иногда, правда, воровали домашнюю живность и скот, но охотников до чужого добра Корявых находил быстро. У него не забалуешь!

Последнее дело участкового, в котором он этим вечером собирался поставить точку, тоже было связано с домашней скотиной.

Несколько дней назад поступило заявление от гражданки Погребовской о краже ее поросенка. Петр Андреевич провел расследование и установил, что никакой кражи не было, а поросенок пропал по недосмотру хозяйки. Что и требовалось теперь оформить документально.

И вот тут начиналось самое для участкового трудное...

Корявых потер себя по мохнатой груди и с ненавистью уставился на старенькую пишущую машинку с высунувшимся из-под валика каретки листом бумаги.

Составление различных отчетов, постановлений, сводок, справок было для капитана сущим наказанием. Здоровый, как сарай, мужик, он испытывал необъяснимый страх перед белым бумажным листом. И не то, чтобы совсем уж безграмотным он был и в слове из трех букв делал четыре ошибки! Но всякий раз Петр Андреевич испытывал истинные муки, когда пытался внятно и связно изложить свои мысли, чтобы донести их до начальства. Поэтому, садясь за очередной служебный опус, капитан Корявых чувствовал себя бьющейся в схватках роженицей.

Петр Андреевич обреченно вздохнул, завис растопыренными клешнями над клавиатурой машинки, как пианист, собравшийся извлечь из рояля первые аккорды, и наконец ударил толстыми негнущимися пальцами по круглым клавишам. Бил он по ним, как по маленьким наковальням. Машинка

охала, стонала всем своим старым ржавеющим телом, а на бумаге появлялись блеклые по причине истертой чуть ли не до дыр лены слова:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об отказе в возбуждении уголовного дела

Я, участковый инспектор, Усть-Кыштымского РОВД УВД Энской области капитан милиции Корявых, рассмотрев заявление гр. Погребовской, которая проживает в пос. Малая Бича по ул. Колхозная,

УСТАНОВИЛ:

Петр Андреевич перевел дух, вытер со лба рукавом рубашки пот, несколько мгновений сосредоточенно пялился на телефон, словно надеясь на его неожиданную помощь, потом с выдохом хакнул, будто собрался броситься в ледяную прорубь, и снова взялся терзать несчастную машинку.

...Что гр. Погребовская имеет в своем хозяйстве три поросенка в возрасте четыре месяца, одну свиноматку в возрасте трех лет и одного кабана в возрасте восьми месяцев. 17 августа этого года один поросенок в возрасте четырех месяцев по кличке Боря не вернулся домой вместе с другими поросятами. Мною было установлено, что гр. Погребовская проживает на краю пос. Малая Бича, и поросята паслись на берегу речки Ягодка, которая протекает неподалеку от дома потерпевшей и впадает в реку Кыштым. Отбившись от основного стада, поросенок Боря пасся один вдоль берега реки Ягодки. На противоположном берегу колхозниками был посажен овес, который к этому времени уже вырос и выглядел аппетитным. Отказавшись кормиться травой, Боря решил переплыть через речку и попробовать овес, но долго не решался, так как на противоположном берегу ходили колхозники и могли его побить. В 12 часов колхозники ушли на обед, и Боря решился плыть. Но он не учел направление ветра и силу течения. Так как речка Ягодка впадает в реку Кыштым, Борю вынесло течением в реку Кыштым. Но неразумное животное продолжало плыть против течения, надеясь, что выплывет, но не рассчитало свои силы и возможности. Стадо поросят видело, что он погибает, но оказать действенную помощь не смогло и бегало вдоль берега, при этом громко крича, пытаясь тем самым привлечь внимание людей. Поросенок Боря длительное время барахтался в воде, при этом оглашая громким визгом окрестности пос. Малая Бича, и после того, как изнемог, покорился участи и тихо утонул.

Данную смерть поросенка Бори видели колхозники, которые убирали урожай, и о чем подтвердили в своих показаниях. Таким образом, кражи не было. Поэтому, руководствуясь следующими статьями УПК...

Корявых с удовольствием и заметным облегчением отстучал номера и пункты статей...

ПОСТАНОВИЛ:

В возбуждении уголовного дела по факту кражи поросенка Бори у гр. Погребовской отказать, о чем ее уведомить.

Участковый инспектор Усть-Кыштымского
РОВД УВД
Энской области
капитан милиции Корявых

Петр Андреевич выдернул лист из каретки машинки. Долго перечитывал, шевеля губами, потом размашисто расписался.

Корявых сладко потянулся, откинувшись на спинку жалобно заскрипевшего стула. Самое трудное дело минувшего дня было сделано. Можно со спокойной душой на боковую. Но что-то мешало ему испытывать чувство полного удовлетворения.

Капитану вдруг представился юный поросенок Боря, не сумевший учесть направление ветра и силу течения, а потому так и не отведавший лакомого овса, и на прокаленную житейскими ветрами и суровой службой милицейскую щеку выкатилась скупая мужская слеза. Хоть и скотиной был Боря, но жаль его было чисто по-человечески.

Из цикла «Иронические рассказы». Глухарь

На околице деревни Козотяпка обнаружился труп. Прибывший участковый констатировал, что тело без признаков жизни, одетое в рыжую лисью шапку, овчинный полушубок, стеганные штаны и обутое в черные растоптанные пимы с галошами, не подавало признаков жизни. Огнестрельных или колото-резаных ран участковый на трупе не обнаружил. Никаких признаков физических мук на обветренном сорокалетнем лице тоже не замечалось.

Никто из местных его здесь отродясь не видел. Может, с райцентра, или даже из области. Неподалеку от Козотяпки — озеро рыбное. И летом и зимой сюда рыбаки тянутся. Вот и этот, наверное, из них. Только почему-то ни снастей, ни короба рыбацкого поблизости нет. Да и приезжают сюда больше на машинах. А этот — безлошадный. Но и рыбаков приезжих в последние дни деревенские не видели. Самые холода стоят, вода на озере сильно промерзла. Плохая сейчас рыбалка.

Тогда кто он и откуда взялся?

Исследование карманов покойного ответа на вопрос не дало. Не было в них ни документов, ни денег. Даже табачных крошек. Только помятый троллейбусный билет. Значит, скорее всего, — городской.

«Надо у озера его причиндалы поискать. Только сначала труп в район увезти и дело по всей форме завести», — решил участковый и облегченно вздохнул. Тащиться сейчас на озеро не хотелось — пусть следственная группа приезжает и разбирается, а он свое дело сделает.

Часа через полтора участковый подрулил на дряхлом «козлике», готовом каждую минуту развалиться, к райотделу и передал валявшегося на заднем

сиденье «клиента» в более компетентные следственные руки, удовлетворенно потеряв свои.

Далее события развивались так...

Чтобы выяснить истинную причину гибели обнаруженного в Козотяпке мужского тела без признаков насильственной смерти требовалась тщательная экспертиза. Но из-за жуткого недофинансирования собственную судмедэкспертизу райотдел давно сократил. Следователи теперь сами, «на глазок» определяли, самостоятельно или с чьей-то помощью преставился потерпевший. А в особо непонятных случаях покойников для квалифицированного заключения отправляли в областной центр. Наскробали по сусекам сопровождающим лицам деньжонок на командировочные и накладные расходы и отправляли. По причине сломанного автотранспорта или отсутствия бензина — чаще всего на поезде. А куда деваться?

Именно такой случай был и сейчас. Хорошо — зима, труп не успеет испортиться.

Ответственное это задание поручили двум бравым сержантам — Боре и Вова. Были они двоюродными братьями. Всего год назад, дембельнувшись из армии, переоделись в милицейскую форму. Служебным рвением Боря и Вова не отличались, любили и «горло прополоскать» при случае. Но, как говорится, на безрыбье...

Неожиданной командировке братаны обрадовались. Такая возможность за казенный счет прокатиться в областной город! А труп — не помеха. На него тоже деньги выделены.

Свалившееся на них счастье братаны тут же решили обмыть. За что и взялись с рвением и без промедления.

Опомнились Боря с Вовой только на следующий день, когда деньги уже подошли к концу, а ответственное задание еще не начало выполняться. Надо было как-то упаковать труп, сесть с ним в проходящий поезд, да и в городе — куда следует доставить.

Однако братаны были хоть и не семи пядей во лбу, но сообразительные ребята. Тем более — милиционеры. Прервав веселье, они извлекли одетого по-прежнему в полушубок, ватные штаны и рыжую лисью шапку покойника из холодного сарая во дворе райотдела, подсунули свои головы ему под мышки и поволокли, словно пьяного, к станции, благо находилась она так близко, что два бугая даже вспотеть не успели.

Поезд уже стоял у перрона.

— Куда вы его такого? — поинтересовался проводник плацкартного вагона, увидев двух милиционеров, волокущих мертвецки пьяного мужика в полушубке.

— На экспертизу, — не моргнув, отвечивал Вова.

— В трубку дышать будет? — хохотнул проводник.

— Не будет — заставим! — сурово заверил Боря.

Они втащили бесчувственное тело в вагон, проволокли его по узкому коридору, отыскивая свободные места.

— Это ж надо так нажраться! Только работу людям задает, — услышали они по пути от какой-то сочувствующей пассажирки.

Наконец отыскали купе с двумя свободными полками — нижней и средней. Сидевшие напротив двое мужчин уже явно «приняли на грудь» и настороженно смотрели на вновь прибывших.

Вова с Борей взяли своего «клиента» за руки, за ноги и, поднатужившись, забросили во всем одеянии на среднюю полку.

— Пусть проспится, — сказали они соседям по купе.

И ушли поправлять на последние шиши испорченное накануне здоровье в вагон-ресторан. Колосники у братанов горели, и было им не до мыслей о предстоящем.

После ухода милиционеров мужчины в купе оживились, достали из-под нижней полки початую бутылку, выпили, крикнули, и один из них сказал:

— Курить хочется.

— Кончилось курево, — похлопал себя по карманам другой.

Набрав приличную скорость, поезд резво шел, ритмично стуча колесами. Вагон раскачивало. Небрежно заброшенный на третью, багажную, полку фибровый чемодан с твердыми кожаными углами на металлических заклепках одного из мужчин-собутыльников елозил по ней, как живой, то и дело норовя свалиться на головы сидящих внизу. Чемодану явно хотелось вниз.

Когда вагон очередной раз дернулся в движении, тело на средней полке перевалилось со спины на живот, к самому краю так, что голова его свесилась вниз, к сидящим мужчинам.

— О! — сказал один из них, заметив свесившуюся голову, — Давай спросим у него. — Эй, дорогой! — обратился он к свесившейся голове. — Закурить не найдется?

Голова хранила молчание.

— Спит, — констатировал тот, кто первым заявил о желании закурить, и предложил: — Ты его толкни — проснется.

Товарищ внял и решительно затормозил бездыханного за плечо.

Поезд в это время вышел на поворот. Рельсы запели тягучим похоронным альтом. Вагон тряхнуло, и чемодан, свободно катавшийся по верхней полке, все-таки сорвался вниз. В своем стремительном падении он шваркнул по свесившейся голове. Едва не досталось и вовремя отпрянувшему мужчине, пытавшемуся растормозить бесчувственное тело.

— Во, блин, ездют! — пробормотал он, поддерживая свисавшую голову. — Ты, кореш, извини: не я — поезд так...

Его напарник, кряхтя, приподнялся, подобрал чемодан, свалившуюся лисью шапку, но тут же и выпустил их из рук.

— Земеля, — сразу охрипнув, сказал он, — глянь! А ведь он, никак, дуба дал!

«Земеля» только сейчас разглядел безжизненное восковое, уже начавшее синеть, лицо «почивавшего» гражданина. Трезвея, он потормозил его еще,

убрал безжизненную голову на полку. Сомнений не оставалось: гражданин был мертв.

У мужчины подкосились ноги, и он свалился чуть ли не на колени своему соседу по купе.

— Это его чемоданом по кумполу, — авторитетно заявил тот. — Ежели б ты на его месте оказался, то же самое было бы.

— Господи!.. — испуганно пробормотал тот, кто просил закурить. — Он же убит!

До него, видно, это только сейчас начало доходить.

— Убит, — меланхолично подтвердил сосед.

— Что делать? Что же теперь делать? — взвизгнул тот, кто просил закурить. — Менты придут, а мы им — что? Чемоданом по кумполу!... передразнил он. — Да нас самих тогда — по кумполу! И на нары. А мы с тобой уже меченые, не отмажемся, нам любое дело пришить — как два пальца...

— Да не дребезжи! — хмуро отозвался его напарник. — Щас прикинем, что к чему... Да, — сказал он удовлетворенно через несколько секунд, — они ж его сюда пьяного приволокли...

Поезд ходко шел по Барабинской равнине. Проводник в служебном купе, отдыхая от трудов праведных, разгадывал кроссворд. Когда он дошел до «мертвого тела из четырех букв», в открытую дверь купе увидел, как два нетрезвых пассажира волокут на плечах третьего. Личность его проводнику кого-то напоминала. А с другой стороны, все мертвецки пьяные одинаково похожи. Стоит ли обращать внимание?..

Мужчины вытащили тело в овчинном полушубке, рыжей лисьей шапке и пимах с галошами в тамбур, прислонили к стенке.

Один из них нажал на ручку входной двери, потянул ее на себя. Тамбур был рабочий, и проводник лишней раз ее не закрывал.

Мужчины распахнули дверь. Уже совсем стемнело. Свет вагонных окон выхватывал белые полосы снега под насыпью. А дальше угадывалась бескрайняя, покрытая свежим зимним покрывалом, «степь да степь кругом».

— Давай! — тихо скомандовал один из мужчин.

Они подтащили бездыханное тело в овчинном полушубке, шапке и валенках к подножке, мгновение подержали на весу и с силой вытолкнули на вольный простор. Как приземлилось тело, смотреть не стали. Быстренько закрыли дверь и вернулись в купе.

Минут через десять появились Вова с Борей. Здоровье они поправили и находились в том самом замечательном расположении духа, когда остается только поспать и забыть во сне про все прошлое, настоящее и будущее.

Поезд должен был прийти в областной центр рано утром.

Вова начал укладываться на нижней полке. Боря намылился на верхнюю, и тут вовремя вспомнил, что едут-то они не одни, что с ними должен быть некто третий, да еще и неживой.

Боря растерянно разглядывал пустую среднюю полку и усиленно соображал: он уже спит, или еще нет.

— Вова, — сказал он. — Ущипни меня. Где «клиент»?

Вова встал рядом и недоуменно вытаращился на пустую полку.

— Был же! Вот тут лежал, — похлопал он по полке.

— А точно был? — стал сомневаться Боря.

— Ну, как же... Мы его волокли... потом сюда закинули... Да вон и мужики видели...

Мужчины смиренно молчали, вперив немигающий взгляд в темное окно.

— Мужики! — обратился к ним Вова. — Тут пьяный лежал. Куда он делся, не знаете?

Мужики нехотя оторвались от созерцания оконной темени, переглянулись, и один из них самым невинным тоном ответил:

— А, пьяный? Да недавно покурить вышел...

Какую кару обрушили на головы ментов-братанов их начальники, мы не знаем, но хлопот Боря с Вовой задали не только им и себе.

Дело в том, что соседи по купе выбросили тело в овчинном полушубке, лисьей шапке и пимах с галошами уже на территории другого района. А поскольку братаны в спешке и похмельном тумане перепутали поезда и ехали в противоположную от областного центра сторону, то и еще более дальнего, чем их собственный.

Следователи местного райотдела полиции добросовестно, но также безуспешно, пытались выяснить, что за птицу они нашли в бескрайной степи возле стальной колеи. Обойтись здесь решили без экспертизы, поскольку денег не то, что на командировки, но и зарплату не всегда хватало. А взвесив все обстоятельства этого темного дела, пришли к выводу, что тело в овчинном полушубке, лисьей шапке и пимах, обутое в галоши, есть не что иное, как заурядный «глухарь», каких немало валится невесть откуда и зачем на их бедные полицейские головы.

Ну, что ж, философски заключили сыщики — «глухарем» больше, «глухарем» меньше...

Из цикла «Иронические рассказы». **Черный понедельник**

Домушник Чубатый в приметы не верил. Брал хаты и в мрачные понедельники, и в светлые воскресения, и в зловещие пятницы тринадцатого, «обносил» их в любое время года и суток, был обычно удачлив, и фортуна редко поворачивалась к нему задом.

Случалось, конечно, и он накалывался: то на сигнализацию вдруг напорется в самый неподходящий момент, то бдительная соседка его через дверной глазок засечет и ментам сдаст, то еще какая напасть... Что ни говори, а четыре ходки и заслуженное звание рецидивиста за просто так не даются.

Там, на зоне, где людям прозвища часто лепят от противного, из-за ранних глубоких залысин, окаймлявших мысок черных жестких волос на голове, он и кликуху свою получил. Когда разменял пятый десяток, мысок и вовсе исчез, съеденный опускавшейся до затылка лысиной; остался лишь крохотный седой треугольничек, и впрямь напоминавший чубчик.

Чубатый прожил бурную воровскую жизнь, но к сорока годам стал все больше подумывать о покое, о благах цивилизации, о собственном уютном гнездышке и даже женитьбе. И если раньше добытое им в чужих квартирах благополучно спускалось на бухалово и шмар, то на пороге сорокалетия его профессиональная деятельность наконец-то обрела цель и смысл: с беспутной жизнью он завязал, после нескольких удачных дел купил двухкомнатную квартиру, сделал хороший ремонт, теперь вот обставлял, благоустраивал, наводил глянец. И все свободное от работы время Чубатый занимался этим, прикидывая, что вот подвернется ему хорошая женщина, и он приведет ее сюда, и она удивится, как все здесь хорошо и красиво. И заранее предвкушая это удивление, Чубатый испытывал гордость — мы тоже не фуфлыжники какие-то!

Для завершения обустройства и перехода к новому этапу — поискам хозяйки семейного гнездышка — оставалось сделать еще некоторые усилия: «обнести» всего каких-нибудь пару квартир...

Утро этого понедельника не предвещало бед. Напротив, ясное, чистое, промытое прошедшим накануне дождем, оно настраивало на оптимистический лад. Да и какие могут быть проблемы? Объект Чубатый присмотрел заранее, вызнал, что хозяева будут в этот день на даче, а дальше — дело техники и богатого опыта.

Вскрытие жилища прошло как по нотам. Замки, хоть и навороченные, импортные, особой сложности для такого мастера, как Чубатый, не представляли. Квартирка оказалась стоящая. Чубатый, складывая дорогое барахло и ценности, радовался: скоро, скоро и его хатенка станет не хуже этой! Осталось только благополучно выбраться на волю.

И вот тут Чубатому в первый раз за долгое время не повезло...

Выходя из квартиры на лестничную площадку, Чубатый нос к носу столкнулся со знакомыми по прежним своим делам операми ближайшего отделения милиции Васюткиным и Кошатниковым.

— Ба, какая встреча?! — удивился Васюткин.

— А чего это ты тут делаешь? — спросил Кошатников, и оба с интересом посмотрели на большую дорожную сумку с чужим добром, под тяжестью которой Чубатый заметно кренился на правый бок.

— Да вот... тетка просила... вещички ей кое-какие на дачу привезти... — забормотал Чубатый, понимая, что спекся, попался с поличным, как последний фрайер.

Одно непонятно: откуда они свалились, как снег на голову? Все ведь чисто вроде, на десять рядов проверял. И никто не знал об этой хате: сам о ней справки наводил, работал без помощников. Сигнализации в квартире тоже не было...

А ларчик открывался просто. Работая совсем по другому делу, опера навестили квартиру двумя этажами выше, а, спускаясь после беседы со свидетелем, наткнулись на бедолагу Чубатого. Бывают же такие совпадения!..

Пока доехали до отделения, Чубатый успел переварить неприятный сюрприз, успокоиться. Дело-то, в конце концов, привычное: ходкой меньше, ходкой больше... Ну дадут годика два-три. Глядишь, еще и под амнистию попадет — не на мокром ведь попался. Зато вернуться есть куда. Чубатый даже просветленно улыбнулся, вспомнив свой двухкомнатный райский уголок, и тут же беспокойно наморщил лоб — не оставил ли что, уходя, не выключенным.

Подписав протокол с чистосердечным признанием, Чубатый привычно заложил руки за спину и отправился под конвоем сержанта в милицейский уазик. Дорога к следственному изолятору была хорошо знакома. Чубатый рассеянно поглядывал в зарешеченное окошко и вполуха слушал доносившиеся из милицейской рации голоса.

Информация об очередном преступлении заставила его насторожиться. Сообщали о квартирной краже. Далее следовал адрес: улица Вторая Садовая, дом двадцать, квартира семьдесят шесть... Чубатый не поверил своим ушам — ведь это его адрес!

— По какому адресу квартирная кража? — переспросил он у сержанта.

Сержант машинально повторил названный по рации адрес и ухмыльнулся:

— Без тебя, вишь, «обнесли», опоздал!
— Да это ж моя квартира, моя! — чуть не заплакал Чубатый.
— Да ты что! — искренне удивился сержант.
— Моя, конечно, моя! Вот шакалы, вот суки отвязные, вот беспредельщики! Ничего святого нет! Слушай, сержант, пусть спросят, что унесли-то?
— Не положено.
— Ребята, — взмолился Чубатый, глядя на милиционеров глазами, полными слез, — ну, будьте людьми, спросите...
У Чубатого был такой несчастный вид, что милиционеры сжалились и связались с опергруппой.
— Третий, третий, я седьмой... Мужики, по последней краже вопрос: что там унесли?
— Практически всё, — донесся из рации меланхолический голос.
С Чубатым началась истерика...
С тех пор к приметам он относится более уважительно. А уж понедельник для него навсегда стал черным днем.

Как приходит слава

Поэту Юрию Буланкину со славой не везло. И стихи вроде неплохие писал, в узком кругу отмечали, но всенародного признания как-то не получалось. Да и времена наступили трудные: серьезной трибуны, чтобы заявить с нее о себе на весь белый свет, нет, гонораров не платят, критики в поисках куска хлеба рекламируют и прославляют не тех, кого надо. А в таких условиях, где и как бедному провинциальному поэту получить признание?

А тут еще и несчастье с Буланкиным приключилось. Копался у себя на садовом участке и — на тебе! — клещ, зараза, цапнул. Заметил его Буланкин поздно, когда тот уже успел кровушки творческой напиться и раздуться шариком. Схватился поэт за этот шарик с целью выдрать его из тела своего, да не вырвал, а только оторвал, хоботок, самую опасную часть клеща в теле оставив. Сначала думал — обойдется, но через несколько дней поднялась температура, и перепуганный Буланкин помчался к врачам.

Заканчивался май, волна клещевых укусов стремительно росла, а гарантии того, что полакомился тобой клещ обычный, а не энцефалитный, не было никакой, поэтому Буланова на время инкубационного периода положили на всякий случай в больницу.

Прихватил Буланов с собой в больничную палату стопку собственных поэтических сборников и раздаривал их с автографами медперсоналу. Чтобы знали, какое лица не общее выражение находится в их больнице среди рядовых пациентов.

Лежали в больнице с разными болячками, но все одинаково томились бездельем и скукой, усугубляемой тем, что больным категорически запрещалось выходить за территорию лечебного заведения. А так как хотелось броситься в объятия благоухающему за больничным забором черемухой и сиренью маю-чародею и баловнику.

По телевизору между тем звучала все более пугающая статистика укусов клещей. Тема была по сезону модная и актуальная. И вот однажды по больнице прошел слух, что к ним едет телевидение.

И оно действительно приехало. В лице бородатого долговязого парня с камерой и миловидной блондиночки в джинсиках и короткой кофточке, обнажающей полоску ее сексуального животика. Их сопровождал главврач больницы. Все трое направились напрямиком к Буланкину. Вот он, — ткнул в него пальцем главврач, — поступил к нам неделю назад после укуса клеща с температурой, ломотой в костях — первичными признаками клещевого энцефалита. Наблюдаем за ним на стадии инкубационного периода.

Никакой ломоты в костях Буланкин не чувствовал, температура сразу же, как попал сюда, исчезла, но возражать не стал. Полоска голого животика девушки заинтересовала его сейчас куда больше врачебной истины.

— Здравствуйте! — сказала телевизионщица. — Как вас зовут?

Буланкин назвал.

— Как это произошло? — спросила девушка.

— Да очень просто. Копался в саду, обдумывал стихотворение, искал рифму подходящую, а он тут меня и укусил. Нарушил, можно сказать, творческий процесс, — рассказывал Буланкин. Он видел, как у журналистки округляются от удивления глаза, и вдохновлялся еще больше. — Это зловредное и коварное насекомое никого не щадит: ни малого, ни старого, ни простого работягу, ни академика, ни поэта. Для него мы все равны. Словно он — сама матушка-природа...

— Так вы поэт!? — воскликнула журналистка.

— Да! — с гордостью отозвался Буланкин.

Метнувшись к тумбочке, он извлек оттуда свою книжечку и, начертав автограф, передал ее телевизионщице с полными высокого пафоса словами:

— Прочтите и убедитесь, что настоящую поэзию никакой клещ не в силах погубить!..

А вечером по городским новостям Буланкин вместе с сопалатниками лицезрел сюжет со своим участием. Утром тот же сюжет показали по другому каналу, затем в московских «Вестях», потом в какой-то программе на медицинскую тему... Журналистка с оператором были молодцы — ничего не упустили, не обрезали. Крупным планом показали Буланкина и его книжку.

На следующий день Булакин стал самым известным и авторитетным человеком в больнице. А когда вышел из нее, не раз чувствовал на себе взгляды идущих мимо прохожих. Слава шла за ним по пятам. И жалел Буланкин в эти моменты только о том, что клещ не укусил его лет на десять раньше, когда он был моложе, пригоже и мог бы с успехом закадрить такую вот журналисточку.

Веская причина

Пришел устраиваться в газету молодой человек. Кепка, пиджачок, штаны, заправленные в солдатские кирзачи. Выправка армейская. Через каждое слово — так точно! Ясное дело — только что демобилизовался. Долго с ним редактор газеты беседовал. О службе спрашивал, об образовании, журналистском призвании и прочих вещах. Служивый, переминаясь от волнения с ноги на ногу, и отчаянно скрипя при этом кирзовыми сапогами, отвечал на вопросы. И призвание у парня было, и два курса журфака до армии отучиться успел, и в военной газете материалы свои во время срочной службы печатал, и даже стихи писал... Но все же не взял его на работу редактор.

— Да в чем же дело, Иван Иванович? — узнав об этом, удивился ответственный секретарь, переживавший за служивого. — Парень-то вроде ничего?

— Ничего, — согласился редактор. — Только вот... ноги сильно скрипят.

Из цикла «Иронические рассказы». Поступок.

Было это еще в глубоко советские времена, когда свирепствовали идеологическая холера и оспа партийного диктата. Страшная история приключилась однажды с главным редактором одного из литературно-художественных журналов. А произошло вот что...

Навязал редактору обком партии для публикации рукопись романа одной малоталантливой, но пробойной, с большими связями и потому везде печатаемой дамы. Дама строго придерживалась партийности в литературе и правоверного соцреализма, читать ее было крайне скучно; опус, к тому же, занимал очень много места на журнальных страницах, лишая одного более интересных прозаиков, и потому главный редактор находился в крайне расстроенных чувствах. Но — тогда не то, что ныне — времена были суровые, кнут партийной дисциплины шагов в сторону не позволял. Рукопись отредактировали, подготовили к печати и вернули на подпись главному. Тот, чертыхаясь, проклиная даму и обком, подписал. Вечерком же, после рабочего дня, чтобы снять стресс, а заодно и грех с творческой души, редактор здесь же, в собственном кабинете, вместе с ответственным секретарем, который искренне сочувствовал страданиям шефа, хорошенько расслабился.

Принято на грудь было, видимо, изрядно, поскольку как он очутился в своем подъезде, почему-то возле мусоропровода, главный редактор уже не помнил. Ответственного секретаря рядом не было — видно, потерялся где-то по дороге. Откиннутая крышка мусоропроводного люка смрадно дышала бездной преисподней. Главный редактор задумчиво покачался перед темной мрачной дырой, потом достал пухлую, готовую к публикации и подписанную им к печати рукопись бойкой дамы с железными связями, размахнулся и — а-ах! — со всей силы швырнул ее в непроглядный зев мусоропроводного колодца.

Засыпал он с чувством глубокого удовлетворения, с радостным ощущением, что сделал большое, важное и нужное дело, что совершил настоящий мужской поступок, за который не стыдно будет смотреть людям в глаза.

А утром соседи по дому с удивлением могли видеть, как уважаемый главный редактор уважаемого журнала роется в помойке, у основания мусоропроводной трубы, пытаясь что-то отыскать. Шла массовая засолка капусты, мусоропровод был забит капустными листьями, кочерыжками. Редактор лихорадочно разгребал их, сам становясь похожим на кочан. На нем не было лица; он, чуть не плача, бормотал одно и то же: «Куда же она подевалась? Кому это дерьмо, кроме меня, понадобилось?!...»

Доподлинно так и не известно, нашел ли главный редактор ту злополучную рукопись. Он не раз потом в узком кругу рассказывал эту историю, но самого-самого ее конца от него так никто никогда и не услышал. Однако всякий раз, когда главный редактор, вспоминая этот случай, доходил до момента швыряния романа в мусоропровод, он с каким-то сладостным упоением восклицал «а-ах!», и в глазах его появлялось глубокое удовлетворение и гордость за тот свой поступок.

Из цикла «Иронические рассказы». **Кормилец Джек.**

У геолога Илюхина была собака — кобель породы сибирская лайка. Красавец-пес! Сам весь белый, а спина черная, словно попоной ее кто прикрыл. И черные чулочки на лапах. А сзади хвост бубликом. А уж умный, уж толковый был — не передать! И на любого зверя годился охотиться, и спутником в трудных маршрутах был надежный, и понимал хозяина с полуслова. В общем, золото, а не пес!

Илюхин свою собаку, естественно, любил. И ни на кого бы его сроду не променял, никогда бы с ним не расстался. Если б не жизнь распроклятая, поставившая все с ног на голову. В управлении, где Илюхин работал, дела пошли хуже некуда, и половина сотрудников, а в их числе и он, были сокращены, другой работы не находилось, содержать себя и Джека стало не на что. В последние недели они жили буквально на хлебе и воде. Джек похудел. Он не жаловался, не скулил. Просто смотрел на хозяина печальными, все понимающими глазами. Или молча тыкался ему мордой в колени. Илюхину было стыдно перед верным другом, но как изменить положение, он не знал.

И все чаще задумывался он о том, а не продать ли Джека. Так, по крайней мере, он его от страданий и голодной смерти избавит. Наконец, после долгих терзаний решился. Тем более что и покупатель уже наметился. Увидел их как-то с Джеком на опушке пригородного леса, где они гуляли, проезжавший мимо крутой коммерсант. Остановился и уже глаз от собаки отвести не мог. Продай, говорит, хорошо заплачу. Заупрямился тогда Илюхин. А коммерсант не отставал. Чтобы отвязаться, Илюхин сказал, что подумает и даст окончательный ответ через неделю на этом же месте. Теперь вот вел Джека, чтобы расстаться с ним навсегда.

По пути тлела надежда, что покупатель раздумает или забудет и не придет, хотя, с другой стороны, это же и пугало — что им тогда с Джеком делать.

Но покупатель их уже поджидал. Рассчитался он щедро (Илюхин давно таких денег не видел) и, сразу же надев на Джека красивый ошейник с поводком, потянул его к машине.

Джек недоуменно повернулся к хозяину. Илюхину на глаза навернулись слезы. Он с нежностью потрепал Джека по загривку и осевшим вдруг голосом приказал: «Иди, Джек, иди!»

Джек, то и дело оглядываясь, неохотно тащился за покупателем. Коммерсант открыл переднюю дверцу своего джипа и подтолкнул Джека. Тот запрыгнул на сиденье, дверца за ним захлопнулась. Стекло было приспущено, и Джек, высунув голову в окно, залаял.

Было в этом лае и тоска, и отчаянье, и мольба не бросать его, не отдавать чужим людям, и клятва в собачьей верности, и даже, как показалось Илюхину, обещание вернуться.

Илюхину к горлу подкатил тугой горький комок. Он резко повернулся и почти побежал прочь. Он слышал, как загудел мотор, джип резко взял с места в карьер, унося с собой обрывки собачьего лая...

С горя Илюхин, вообще-то не отличавшийся особой тягой к спиртному, запил. Он пил, роняя горькие слезы в стакан, проклинал дурную нынешнюю жизнь, себя и заочно просил у потерянного друга, с которым было столько прожито и пережито, прощения. Так продолжалось дня три, а утром четвертого Илюхину показалось, что кто-то царапается в дверь. Пребывая в тяжелом безрадостном похмелье, он прислушивался к настойчивому царапанью и думал, что вот уже и крыша у него начинает ехать, и скоро придут в гости зеленые человечки. Но тут вслед за царапаньем раздалось знакомое поскуливание, и Илюхин с колотящимся сердцем соскочил с дивана. Он открыл входную дверь, и тут же белый пес с черной попонкой на спине и хвостом-бубликом с радостным лаем бросился ему на плечи. Сомнений не оставалось: это был Джек.

А Джек тыкался мокрым носом Илюхину в губы, лизал щеки, улыбался (морщил нос, показывая в улыбке белоснежные зубы), прижимал уши, быстро-быстро махал бубликом хвоста, приседал и снова бросался на плечи — в общем, выказывал такую бурную собачью радость, будто не виделись они вечность.

— Ты что же, удрал? — спросил Илюхин, покачав головой.

— Гав, гав! — утвердительно пролаял Джек и виновато потупился, словно извинялся за ослушание.

— Ну и ладно, ну и молодец! — повеселел Илюхин.

Жизнь потекла своим чередом. Работы по-прежнему не было, зато оставались еще деньги, вырученные за Джека.

К сожалению, все имеет свойство когда-нибудь кончаться. Особенно деньги. И снова подошло время, когда перед Илюхиным ребром встал вопрос, как жить дальше, где найти средства к существованию.

Но теперь Илюхин голову долго не ломал. Утречком они отправились с Джеком на Птичий рынок, где шла торговля всякой живностью. Ушли вдвоем, а вернулся домой Илюхин один, но с приличной суммой, и стал ждать. Через пару дней Джек уже скребся в дверь родной квартиры.

История с продажей Джека повторяется теперь всякий раз, как только кончаются у Илюхина деньги. Умный пес прекрасно понял правила игры, и показывает прямо-таки артистический талант, которого хозяин раньше в нем и не замечал, когда приходит пора показывать покупателям товар, то есть его, Джека, лицом. Он устраивает целые представления. От покупателей нет отбоя. С каждым разом он растет в цене. Оба — и пес, и хозяин — посвежели, округлились, забыли о голодных днях. А Илюхин теперь и представить себе не может, что бы он делал без любимого Джека, без своего пса-кормильца. Правда, в последнее время подумывает Илюхин, что пора, наверное, менять им место жительства от греха подальше, пока они тут окончательно не примелькались. Мечтает даже о гастрольном туре по городам России — продал Джека разок-другой в одном месте, переехал в другой... А что — нормальный бизнес в российских рыночных условиях...

